

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию — Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности — да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная, как черт, и остроумная, как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой — невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, — это война против клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...

Лев Данилкин (Афиша)

Кейт Аткинсон — настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс — разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Кейт Аткинсон — из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.

Фэй Уэлдон

Как и в «Преступлениях прошлого», Аткинсон с мастерской ненавязчивостью раскрывает внутреннюю жизнь своих героев и ловко сплетает сеть загадок, каждая из которых порождает новые загадки.

The Independent

«Чуть свет, с собакою вдвоем» — одно название, позаимствованное у Эмили Дикинсон, чего стоит! Подобно творчеству этой таинственной поэтессы, надолго опередившей свое время, роман Аткинсон насыщен двойниками и неожиданными параллелями, странным юмором и потусторонними отзвуками. Впрочем, ничего удивительного: Кейт Аткинсон никогда не ограничивала себя детективным жанром, и все у нее выходило с неизменным блеском.

The New York Times

Мастер-класс сюжетной смелости, песнь любви и утраты во всех мыслимых проявлениях.

Guardian

Романы пропитаны фирменным юмором Аткинсон, язвительным и лаконичным. Одна из главных прелестей всего цикла — насколько эти книги забавны.

Observer

Приключения Джексона Броуди в равной степени привлекают и мужскую, и женскую аудиторию — только лучшие детективы могут этим похвастать.

The Times

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Margaret Forster

Кейт Аткинсон — поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Matt Heiß

Кейт Аткинсон — обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Harlan Coben

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос — иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Четвертый роман о частном детективе Джексоне Броуди, которого все по очереди слегка дрючат, особенно неромантичные дамы, и немного — о любви к старинной американской поэтессе Эмили Дикинсон, считавшей прекрасным то, что никогда не дастся в руки. Дикинсон

в романе скрыто и открыто цитируется, начиная прямо с названия: «Я рано встала — Пса взяла — До моря близкий путь — Русалки поднялись со дна — Чтоб на меня взглянуть». Еще автор пользуется ее способом вложить в привычный жанр стихика-наблюдения неподвинутые мысли. Кейт Аткинсон примерно так поступает с жанром детектива, вписывает в обыденный круг поначалу ничуть не детективных забот-хлопот прямо-таки джазовый квадрат. Язык, которым рассказываются истории персонажей Аткинсон, способ сведения речевых речушек и ручейков, нескольких русел загадочных событий, связанных с похищением малюток, имеет отношение к музыке, не к детективной прозе. Эта проза знавала выдающихся стилистов, в том числе и в век джаза. Но явление Аткинсон гораздо более объемно. За ней не только новое слово, она строит новые отношения между структурой текста и его мелодикой. Неровности дыхания сравнимы уже не с джазовым пульсом, а немного с какофонией. Эту выверенную какофонию мастерски передает переводчик Анастасия Грызунова — ее второй подход к циклу Аткинсон о детективе Бродди.

Однако

Двое полицейских в отставке (она возглавляет службу безопасности супермаркета, он — частный сыщик, специализирующийся на поиске пропавших людей) независимо друг от друга расследуют дело, связанное с похищениями детей, то есть оказываются втянуты в это расследование. Понятно, что сюжетные линии на протяжении романа сближаются. Впрочем, интересно не это. Аткинсон — мастер кинематографических сцен с внезапными смещениями планов, монтажными стыками, стремительными переходами. У каждого героя своя история, свое прошлое, расцвеченное приметам и реалиями среды, в которой это прошлое протекало. За каждым — хаос впечатлений, обрастающий ворохом цитат (музыкальных, литературных, театральных, телевизионных). Автор внимательно следит за каждым шагом своих героев, их глазами представляет мир. И постепенно в эту экзистенциальную сумятицу вмешивается главная детективная интрига.

Эхо Москвы

Те, кто полагает, будто верхние строчки в списках бестселлеров пожизненно оккупированы разного рода Донцовыми, а то так и «Бандами-2» (три, четыре, пять — далее везде), драматически заблуждаются: остросюжетное чтиво не так уж часто попадает в книжные чарты. Если же попадает, то, как правило, при ближайшем рассмотрении оказывается не просто детективом, а чем-то более сложным и хитро устроенным, в силу авторской причуды лишь упакованным в криминальную обертку. Пользуясь терминологией отечественных маркетологов, этот гибридный тип литературы можно обозначить как «детектив плюс»,

причем после плюса, понятное дело, каждый писатель волен подставлять все, что захочется, — от социальной драмы (как Стиг Ларссон) до исторической эпопеи (как Борис Акунин). В случае с романами англичанки Кейт Аткинсон — и нынешняя книга «Чуть свет, с собакою вдвоем» (в первой двадцатке рейтинга продаж книжного магазина «Москва») не является исключением — после плюса определенно должно стоять «высококачественная психологическая проза с лирическими подробностями».

Мир романа «Чуть свет, с собакою вдвоем» содержит в себе множество читательских аттракционов на любой вкус. История потерянного и обретенного ребенка диковинным образом отражается и преломляется в историях других потерянных детей и — неожиданным образом — в истории собаки. Выжившая из ума старуха-актриса на протяжении всего романа мельтешит где-то на заднем плане, вызывая в читателе то недоумение, то раздражение (господи, ну зачем автору эта несносная карга, без толку тормозящая интригу?), — как выясняется, для того, чтобы под занавес выйти на авансцену и исполнить свою блистательную, пронзительную и трагическую партию. Внесценические персонажи (как, например, знаменитая актриса Фиби Марч — злой гений сразу нескольких персонажей романа) ухитряются скреплять разные куски романа крепче самого прочного проволочного каркаса, ни разу при этом реально не появляясь на его страницах. А для любителей поэзии припасен особо богатый гостинец — весь текст буквально прошит поэтическими цитатами, аллюзиями и парафразами...

Словом, тонкая и сложная литературная работа самого высокого класса, рассчитанная на знатока и ценителя, но при всем том очень успешная и популярная среди тех, кого принято называть рядовыми читателями.

Галина Юзефович (Итоги)

Аткинсон — мастер кинематографических сцен с внезапными смещениями планов, монтажными стыками. Вот огромный супермаркет, и камеры слежения фиксируют хаотическое движение публики. В потоке покупателей автор выделяет лица героев романа: отставной полицейский, начальница охраны (тоже полицейский на пенсии), пожилая актриса. Они в одном пространстве и даже соприкасаются друг с другом, но пока еще не захвачены единым действием. И у каждого из них — своя история, свое прошлое, расцвеченное реалиями среды, в которой это прошлое протекало. За каждым — хаос впечатлений, обрастающий ворохом цитат (музыкальных, литературных, театральных, телевизионных). Все это дотошно сообщается автором, отслеживающим каждый шаг героев, их глазами смотрящим на мир. Так что когда в эту экзистенциальную сумятицу вмешивается главная детек-

тивная интрига, читатель испытывает настоящий восторг от того, с каким мастерством Аткинсон превращает неразбериху и причудливый танец случайностей в строгий детективный пасьянс.

Time Out

Йоркшир, наши дни. Милая сожранная Альдгеймером старушка-актриса каждые пять минут судорожно пытается вспомнить, на каком свете находится, — и тут же вляпывается в очередную мелкую неприятность. Суровая толстуха из службы охраны супермаркета судорожно пытается забыть кошмарные события полицейской юности — и неожиданно для себя покупает дочку соседской наркоши. А Джексон Броуди, бывший военный, полицейский, нувориш и муж, а ныне растерянный неудачник и немножко сыщик, вяло, но все равно судорожно пытается разобраться с происхождением австралийской клиентки — и с методами содержания отбитой у незнакомого жлоба собачки.

К четвертой книге Аткинсон то ли притомилась, то ли решила не париться с формальными поводами. Цикл «Джексон Броуди» считается детективным, однако широкая международная общественность ценит его не за несомненную разыскную интригу, а за изящный стиль, едкий слог и изощренное бытописание, по которому школяры лет через сорок будут изучать жизнь Объединенного Королевства. Ну и пуцай этого будет побольше, а всяких оперативно-разыскных мероприятий поменьше, решила, видимо, автор. И была, пожалуй что, права. Броуди вроде бы занят кучей дел: ведет текущее расследование, тоскует по дочке, копает в сторону сынишки, ищет мошенницу-жену, упихивает в рюкзачок собачку, которая покорно упихивается, а сама, как сказал бы БГ, глядит на него глазами, дерется и трудно копошится в мусорном баке, — но на самом деле катается, как бильярдный шар, от стенки к стенке, и никто его, бедного, не приголубит и не зашлет от борта в лузу.

Анастасия Грызунова предлагала назвать свой перевод (близкий к гениальному, между прочим) «С утра пораньше, пес со мной» — и это было бы не только остроумно, но и очень точно. И честно к тому же. Подкачанный, решительный и brutальный Броуди не может совершить ничего путного — разве что дюлей такому же подкачанному накинуть. Самая испуганная тетка разведет решительного-brutального, как ребенка, а самая безмозглая старушка одним неловким движением рассечет узел, который должен был прихватить и удушить половину очень симпатичных героев.

Аткинсон чем дальше, тем меньше скрывает, что смотрит на нечесаную мужскую часть мира со снисходительным женским превосходством — не в смысле феминизма и прочего аболиционизма, а в смысле «а жена шея», — хотя по этой шее и прилетает постоянно.

Ей — можно.

Шамиль Идиатуллин

Моему отцу

Все ошибки — мои, некоторые допущены нарочно. Я не всегда придерживалась истины.

Благодарность причитается:

как всегда, Расселлу Экви; Малькольму Грэйму, старшему детективу-суперинтенданту полиции Лотиана и Шотландских Границ; Малькольму Р. Диксону, бывшему помощнику инспектора полиции Шотландии; Дэвиду Мэттоку и Морин Ленехан — за то, что вместе со мной вернулись в Лидс семидесятых.

Не было гвоздя — подкова пропала.
Не было подковы — лошадь захромала.
Лошадь захромала — командир убит.
Конница разбита — армия бежит.
Враг вступает в город, пленных не щадя,
Оттого что в кузнице не было гвоздя¹.

Народное

Я тут всего лишь чуть-чуть прибрался.

Питер Сатклифф²

¹ Пер. С. Маршака. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

² Йоркширский Потрошитель Питер Уильям Сатклифф (Питер Уильям Кунан, р. 1946) — серийный убийца, в 1981 г. был приговорен к 20 пожизненным срокам заключения за убийства 13 женщин и нападения еще на семь.

Сокровище

9 апреля 1975 года

Лидс — «Шоссейный город семидесятых». Гордый лозунг. Ни капли иронии. Кое-где на улицах до сих пор мигают газовые фонари. Жизнь северного городишки.

«Бэй Сити Роллерз» — номер первый в чартах¹. По всей стране ИРА взрывает что ни попадя. Партию консерваторов возглавила Маргарет Тэтчер. В первых числах апреля Билл Гейтс в Альбукерке основал будущую корпорацию «Майкрософт»². В последних числах Сайгон пал перед вьетконговцами³. По телевизору все идет «Черно-белое менестрель-шоу»⁴, Джон Поулсон до сих пор в тюрь-

¹ «Бэй Сити Роллерз» (*Bay City Rollers*, 1966–1981) — шотландская поп-группа, кумиры подростков 1970-х. Весной 1975 г. четыре недели продержались в первой строчке чартов с песней «Прощай, детка (Детка, прощай)» (*Bye, Bye, Baby [Baby Goodbye]*, 1965), изначально написанной Бобом Кру и Бобом Гаудио для американской группы *The Four Seasons*.

² Корпорация *Microsoft* (первоначально — *Micro-Soft*) была основана Биллом Гейтсом и Полом Алленом 4 апреля 1975 г.

³ Вьетнамская народная армия и Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (Вьетконг) заняли столицу Южного Вьетнама Сайгон 30 апреля 1975 г.

⁴ «Черно-белое менестрель-шоу» (*The Black and White Minstrel Show*, 1958–1978) — британская развлекательная еженедельная телепередача с музыкальными и эстрадными номерами, созданная шотландским музыкантом и телеведущим Джорджем Митчеллом. В соответствии с требованиями жанра менестрель-шоу постоянные участники Джордж Чизем, Стэн Стеннетт и Лесли Краузер гримировались под чернокожих.

ме¹. «Прощай, детка, детка, прощай». И посреди всего этого Трейси Уотерхаус беспокоила только дырка на носке колготок. С каждым шагом дырка росла. А еще утром колготки были новые.

Сказали, что на пятнадцатом многоэтажки в Лавелл-парке, и — ну еще бы — лифты не работали. Два констебля, пыхтя и отдуваясь, карабкались по лестнице. Ближе к цели переводили дух на каждой площадке. Констебль Трейси Уотерхаус, крупная неуклюжая деваха, только-только испытательный срок прошла, и констебль Кен Аркрайт, коренастый и коренной йоркширец, с куском сала вместо сердца. Покоряют Эверест.

Оба застанут начало кровавой кампании Потрошителя, однако Аркрайт уйдет на пенсию задолго до конца. Дональда Нильсона, брэдфордскую Черную Пантеру, еще не поймали², а Гарольд Шипмен³, вероятно, уже начал убивать пациентов, которым не повезло оказаться под его опекой в больнице Понтефракта. В 1975 году Западный Йоркшир кишмя кишел серийными убийцами.

У Трейси Уотерхаус еще молоко на губах не обсохло, хотя сама она в этом не призналась бы. Кен Аркрайт ви-

¹ Джон Гарлик Ллуэлин Поулсон (1910–1993) — британский (йоркширский) архитектор и бизнесмен; в 1972 г. оказался в центре политического скандала, коснувшегося членов британского парламента и правительства. В 1974 г. Королевский суд Лидса приговорил Поулсона к тюремному заключению по обвинению в коррупции и взяточничестве; Поулсон вышел на свободу в мае 1977 г.

² Дональд Нильсон (Дональд Нэппи, Черная Пантера, 1936–2011) — британский серийный убийца и вооруженный грабитель; в 1971–1974 гг. совершил три убийства при ограблениях, в январе 1975-го похитил ради выкупа 17-летнюю Лесли Уитгл, чье тело нашли в марте. Дональд Нильсон был арестован в декабре 1975 г. и приговорен к пяти пожизненным заключениям; остаток жизни провел в тюрьме.

³ Гарольд Фредрик Шипмен (1946–2004) — английский серийный убийца, единственный в Великобритании врач, признанный виновным в убийстве пациентов (минимум 218 человек); в 2000 г. был приговорен к пожизненному заключению и спустя четыре года повесился в камере тюрьмы Уэйкфилд в Западном Йоркшире.

дел столько, что другим и во сне не приснится, но сохранял добродушие и оптимизм — хороший полицейский, большая удача, что он взял совсем зеленую девчонку под крыло. Паршивые овцы тоже встречались — смерть Дэвида Олувале¹ по сей день черной тучей осеняла полицию Западного Райдинга, — но Аркрайта тень не коснулась. Дрался, когда нужно, а порой и когда не нужно, но кары и награды раздавал, не глядя на цвет кожи. Нередко звал женщин *шалавами* и *потаскухами*, однако с уличными девчонками делился, бывало, сигаретами и наличкой и к тому же любил жену и дочерей.

Как учителя ни умоляли остаться и «чего-нибудь добиться», Трейси в пятнадцать бросила школу, поступила на курсы, обучилась стенографии и машинописи и тут же пошла секретаршей в контору Монтегю Бёртона — манила взрослая жизнь.

— Вы умненькая девочка, — сказал сотрудник отдела кадров, предлагая ей сигарету. — Далеко пойдете. Сегодня помсек, а завтра, кто знает, может, и д. м. н.

Она не знала, что такое «д. м. н.». Насчет «помсека» тоже сомневалась. Кадровик так и ел ее глазами.

Шестнадцать лет, никогда не целовалась с мальчиком, никогда не пила вино, даже «Синюю монахиню». Никогда не пробовала авокадо, не видала баклажан, не летала на самолете. Тогда все было иначе.

Купила в «Итаме» твидовое пальто до пят и новый зонтик. Готова ко всему. Дальше можно и не готовиться. Спустя два года очутилась в полиции. К такому не подготавлишься. «Прощай, детка».

¹ Дэвид Олувале (1930–1969) — британский гражданин, эмигрант из Нигерии, жил в Лидсе, много лет был бездомным, регулярно оказывался жертвой полицейской жестокости, которая в итоге и привела к его смерти. Обвиняемые сержант Кеннетт Китчинг и инспектор Джеффри Эллеркер в 1971 г. были приговорены к тюремному заключению за жестокое обращение (обвинение в расизме на суде не выдвигалось, а обвинение в непредумышленном убийстве было снято в ходе слушаний).

Трейси боялась, что никогда не уйдет из дома. Вечера проводила с матерью перед телевизором, а отец между тем напивался — культурно — в местном клубе консерваторов. Трейси и мать ее Дороти смотрели «Шоу Дика Эмери»¹, или «Стептоу и сын»², или как Майк Ярвуд³ пародирует Стептоу и его сына. Или Эдварда Хита⁴ — у него плечи ходили вверх-вниз. Загрустил, наверное, Майк Ярвуд, когда премьером стала Маргарет Тэтчер. Все загрустили. И вообще, что хорошего в пародистах?

Живот урчал, как тепловоз. Трейси неделю жила на творожно-грейпфрутовой диете. Любопытно, может ли толстячка подохнуть от голода?

— Господи Иисусе, — прохрипел Аркрайт, когда они наконец добежали до пятнадцатого этажа. Стоит, согнулся пополам, руками в колени уперся. — Я раньше крыльевым форвардом был, представляешь?

— Ага, а теперь ты просто пожилой боров, — сказала Трейси. — Какая квартира?

— Двадцать пятая. По коридору до конца.

Соседи позвонили, анонимно пожаловались на дурной запах («кошмарную вонь») из квартиры.

— Небось крысы дохлые, — сказал Аркрайт. — Или кошка. Помнишь собак в Чепелтауне? А, нет, девонька, это еще до тебя.

— Слыхала. Мужик уехал, еды им не оставил. Они потом сожрали друг друга.

¹ Ричард Гилберт (Дик) Эмери (1915–1983) — английский актер, комик; телевизионное «Шоу Дика Эмери» (*The Dick Emery Show*) шло на канале Би-би-си с 1963 по 1981 г.

² «Стептоу и сын» (*Steptoe and Son*, 1962–1974) — британский телесериал Рэя Гэлтона и Алана Симпсона о двух лондонских старьевщиках, циничном отце и его сыне-идеалисте.

³ Майк Ярвуд (р. 1941) — британский комик и пародист, звезда британского телевидения 1960–1970-х.

⁴ Сэр Эдвард Ричард Джордж (Тед) Хит (1916–2005) — британский политик, лидер партии консерваторов (1965–1975) и премьер-министр Великобритании (1970–1974).

— Они не жрали друг друга, — сказал Аркрайт. — *Одна сожрала другую.*

— Ну ты педант.

— Чего? Нахалка ты растакая!.. Опля, пришли. Ебать колотить, Трейс, вот это вонища. Досюда добивает.

Треиси Уотерхаус пальцем вдавила кнопку звонка и подержала. Скосила глаза на уродливые черные форменные ботинки на шнуровке, пошевелила пальцами в уродливых черных форменных колготках. Большой палец уже вылез в дырку, и дорожка взбиралась к мощному колену. С такими ногами только в футбол играть.

— Наверняка старик какой-нибудь, которую неделю там лежит, — сказала она. — Ненавижу их, сил нет.

— Я ненавижу этих, которые под поезда прыгают.

— Деток мертвых.

— Да уж. Хуже нету, — согласился Аркрайт.

Мертвые дети — неуязвимый козырь, всегда выигрывает.

Треиси сняла палец со звонка и покрутила дверную ручку. Заперто.

— Господи, Аркрайт, там жужжит. Уж явно никто не встанет и не выйдет вон.

Аркрайт заколотил в дверь:

— Эй, полиция, кто-нибудь дома? Бля, Треиси, ты слышишь?

— Мухи?

Кен Аркрайт нагнулся и заглянул в щель почтового ящика:

— Ах ты ж!..

Он так шархнул от двери, что Треиси подумала — ему в глаза чем-то прыснули. С сержантом такое приключилось пару недель назад: попался псих с брызгалкой, отбеливателем пшикнул. Всем расхотелось через почтовые ящики заглядывать. Но Аркрайт тотчас опустился на корточки, снова толкнул крышку ящика и заговорил ласково, будто с дерганой собакой:

— Все в порядке, все хорошо, теперь все хорошо. А мама дома? А папа? Мы тебе поможем. Все хорошо. —

Он встал и приготовился плечом вышибить дверь. Потоптался, выдохнул через рот и сказал Трейси: — Приготовься, девонька, сейчас будет грязно.

Полгода назад

Пригород Мюнхена, холодно, скоро вечер. Крупные снежные хлопья белым конфетти лениво опускаются на землю, оседают на капоте безликой немецкой машины.

— Красивый дом, — сказал Стив. Наглый типчик, слишком много болтает. Вряд ли его по правде зовут Стивом. — Большой, — прибавил он.

— Да, красивый большой дом, — согласился он — в основном чтобы Стив закрыл рот.

Красивый, большой и, увы, окружен другими красивыми большими домами, стоит на улице, где соседи бдят, а по стенам блестящие карбункулы охранных сигнализаций. У пары-тройки самых красивых, самых больших домов — автоматические ворота, а на оградах видеокамеры.

Первый раз — рекогносцировка, второй раз — обращаешь внимание на детали, третий — делаешь дело. Сейчас третий.

— Конечно, чуток слишком германский на мой вкус, — сказал Стив. Как будто полный каталог европейской недвижимости листает.

— Может, отчасти тут дело в том, что мы в Германии, — сказал он.

— Я ничего против немцев не имею, — сказал Стив. — В *Deuxième*¹ была парочка. Приятные ребята. Хоро-

¹ Второй (*фр.*) — имеется в виду 2-й парашютно-десантный иностранный полк Французского иностранного легиона.

шее пиво, — прибавил он, поразмыслив. — И сосиски ничего.

Стив говорил, что служил в британских ВДВ, демобилизовался, понял, что жить на гражданке не в силах, и вступил во Французский иностранный легион. *Думаешь, что крутой, а потом узнаёшь, что такое крутой на самом деле.*

Ну да. Сколько раз он это слышал? В свое время сталкивался с ребятами из легиона — бывшие военные, сбегали от смертоубийственной гражданской жизни, дезертировали от разводов и исков об отцовстве, слиняли от скуки. Все убегали от чего-нибудь, и все не то чтобы изгои, которыми себя мнили. Уж Стив-то явно. Прежде они вместе не работали. Он, конечно, чуток дурачок наивный, но ничего, внимательный. Не курит в машине, всякую лабуду по радио не слушает.

Тут есть дома — точно пряничные домики, вплоть до снежной глазури по кромкам канав и крыш. Он видел пряничный домик на рынке *Christkindl*¹, где накануне они провели весь вечер — бродили по Мариенплац, пили *Glühwein*² из рождественских кружек, как ни посмотри — обыкновенные туристы. За кружки пришлось оставить залог, и на этом основании свою он унес к себе в номер в «Платцле». Дома подарит Марли, хотя дочь, пожалуй, будет воротить нос, а то и хуже — равнодушно поблагодарит и больше на кружку не взглянет.

— Это ты в Дубае работал? — спросил Стив.

— Ага.

— Я так понял, не выгорело?

— Ага.

Из-за угла вывернула машина, и оба инстинктивно глянули на часы. Машина проскользила мимо. Не та машина.

— Не они, — избыточно отметил Стив.

¹ Младенец Христос (нем.).

² Глинтвейн (нем.).

Есть и плюсы: они в длинном проезде, который сворачивает прочь от ворот, с дороги дом не видно. И вдоль проезда густо растут кусты. Ни лампочек охранной сигнализации, ни датчиков движения. Темнота — друг секретной операции. Не сегодня — сегодня работаем при свете. Не ярком и не белом — ото дня остался один окурок. Сумерки дня¹.

Из-за угла вывернула машина — на сей раз та.

— А вот и малышка, — пробормотал Стив.

Пять лет, прямые черные волосы, карие глазищи. Понятия не имеет, что с ней сейчас произойдет. *Пакистанка*, звал ее Стив.

— Египтянка. Наполовину, — уточнял он. — Зовут Дженнифер.

— Я не расист.

Но.

Снег опускался, трепеща, на миг лип к ветровому стеклу и таял. Ни с того ни с сего он вдруг вспомнил, как его сестра входит в дом, смеется, смахивает лепестки с одежды, вытрясает из прически. Ему казалось, в городе, где они выросли, не встретишь ни деревца, и, однако же, в воспоминании сестра была как невеста, ливень лепестков — словно розовые отпечатки пальцев на черной вуали ее волос.

Машина свернула в проезд и исчезла из виду. Он повернулся к Стиву:

— Готов?

— Заряжен и взведен, — ответил тот, заводя мотор.

— Не забудь: няню не трогаем.

— Если не придется.

¹ «Сумерки дня» (*Dimming of the Day*, 1975) — песня английского фолк-рок-музыканта, гитариста и автора песен Ричарда Томпсона (р. 1949) с «суфийского» альбома Ричарда и Линды Томпсон «Излейся серебром» (*Pour Down Like Silver*); впоследствии неоднократно перепевалась другими исполнителями, в том числе американской блюзовой певицей Бонни Рейтт, ирландской певицей Мэри Блэк и английским рок-музыкантом Дэвидом Гилмором.

Среда

— Гляди в оба, драконья особа.

— Где?

— Да вон. Мимо «Греггса» идет. — Грант ткнул в лицо Трейси Уотерхаус на мониторе.

На посту охраны вечно духота. Снаружи май, прекрасная погода, а здесь — как на подводной лодке, которая давно не всплывала. Скоро обед, магазинным ворам самое раздолье. Полиция носится туда-сюда весь день, что ни день. Вот сейчас двое пошли, при полной экипировке — громоздкие портупей, противножевные жилеты, летние рубашки, — «провожают» из «Пикокса» женщину с сумками, набитыми одеждой, за которую она не заплатила. Лесли тарасилась в мониторы, и ее клонило в сон. Иногда она смотрела сквозь пальцы. Не все ведь, говоря строго, преступники.

— Ну и неделька, — сказал Грант и по-дурацки скривился. — В школах каникулы, банковские выходные. Нам достанется по самое не хочу. Грядет кровопролитие.

Грант яростно мял зубами «никоретт», как будто от смерти спасался. На галстук пятно. Лесли хотела ему сказать. Потом передумала. Похоже на кровь, но, скорее всего, кетчуп. У Гранта не прыщи, а радиоактивная угроза. Лесли хорошенькая, миниатюрная, дипломированный инженер-химик, окончила Университет королевы Виктории в Кингстоне, Онтарио, и работа в охране «Меррион-центра» в Лидсе — краткий, не сказать чтобы неприятный поворот в ее жизни. Она была, как выражались ее родные, в мировом турне. В Афинах побывала, в Риме, во Флоренции, в Ницце, Париже. На весь мир не хватило. Заехала в Лидс к родственникам и решила подзадержаться на лето, сойдясь с аспирантом-философом по имени Доминик, который работал в баре. Познакомилась с его родителями, поужинала у них. Мать Доминика

разогрела ей персонально «вегетарианскую лазанью» из «Сейнсбериз», а остальные ели курицу. Мать была настороже, беспокоилась, что Лесли увезет ее сыночка на далекий материк и все внуки заговорят с акцентом и станут вегетарианцами. Лесли хотела ее утешить: мол, это просто курортный роман, но это матери, наверное, тоже не понравилось бы.

«Лесли, через „с“», — то и дело твердила она в Англии, потому что все норовили произносить через «з». «Неужели?» — спросила мать Доминика, будто Лесли и сама — фонетическая ошибка. Лесли вообразила, как приводит Доминика к себе домой, знакомит с родителями, как они смотрят сквозь него. Она скучала по дому, по пианино «Мейсон и Риш» в углу, по брату Ллойду, по старому золотистому ретриверу Холли и кошке Варешке. Не обязательно в таком порядке. На лето родители снимали коттедж на озере Гурон. Эту жизнь Гранту не объяснишь. Не очень-то и хотелось. Грант все время пялился на нее, когда думал, будто она не видит. За секс с нею продаст душу. Даже смешно, ну в самом деле. Она скорее ножики себе в глаза воткнет.

- Проходит «Мир тренировок», — отметил Грант.
- Трейси нормальная, — сказала Лесли.
- Она нацистка.
- Никакая не нацистка.

Лесли поглядывала на группу юнцов в толстовках — те шныряли у оптики «Рейнер». Один нацепил страшную хеллоуинскую маску. Ухмыльнулся в лицо какой-то старухе, та вздрогнула.

— Мы всегда преследуем по закону, — пробормотала Лесли. Как будто пошутила в узком кругу.

— Опля, — сказал Грант. — Трейси заходит в «Торнтонс». Хочет, наверное, рацион разнообразить.

Она нравилась Лесли — с Трейси всегда понятно, что к чему. Лапши на уши не вешает.

- Свинья жирная, одно слово, — сказал Грант.

— Она не жирная, просто крупная.

— Ага, все так говорят.

Лесли была маленькая и тоненькая. Роскошная девка, считал Грант. Особенная. Не то что кой-какие местные оторвы.

— Точно не хочешь выпить после работы? — Он никогда не терял надежды. — По коктейльчику в центре. Изысканный бар для изысканной дамочки.

— Опля, — сказала Лесли. — В «Кибергород» какие-то сомнительные дети зашли.

Трейси Уотерхаус вышла из «Торнтонса», набив фуражом большую уродливую сумку, которую носила, как патронташ, поперек обширной груди. Венские трюфели, угощение по средам. Обрыдаться. Люди вечерами ходят в кино, в рестораны, в пабы или клубы, к друзьям, занимаются сексом, а Трейси предвкушает, как свернется в клубок на диване, будет смотреть «В Британии есть таланты»¹ и закусывать венскими трюфелями из «Торнтонса». И цыпленком бхуна, которого захватит по дороге домой, а потом зальет банкой-другой «Бекса». Или тремя банками, или четырьмя, хоть сегодня и среда. Завтра в школу. Сорок лет с гаком, как Трейси бросила школу. Когда она в последний раз ела с кем-нибудь в ресторане? Тот мужик из службы знакомств, пару лет назад, «У Дино» на Бишопгейт? Она помнила, что ела — чесночный хлеб, спагетти с тефтелями, а потом крем-карамель, — но не помнила, как звали мужика.

¹ «В Британии есть таланты» (*Britain's Got Talent*, с 2007) — британское шоу, созданное Саймоном Кауэллом, конкурс талантов (танцоров, певцов и т. д.); победитель получает, помимо прочего, возможность выступить перед королевой Великобритании и членами королевской семьи.

— Ты необъятная девочка, — сказал он в начале, когда они встретились в баре «У Уайтлока».

— Ага, — ответила она. — Хочешь объять? — Скажем прямо, дальше было только хуже.

Она нырнула в «Супераптеку» за эдвилом от завтрашней головной боли после «Бекса». Девушка за прилавком на нее и не взглянула. Обслужила с гримасой¹. Украсть из «Супераптеки» — раз плюнуть, куча полезных мелочей, можно кинуть в сумку или в карман — губная помада, зубная паста, шампунь, «тампакс», — неловко даже упрекать людей в том, что воруют: сами же, по сути, приглашаете. Трейси глянула на видеокамеры. Она знала, что в отделе «Уход за ногтями» — слепое пятно. Можно набрать добра на год маникюров, а никто и не догадается. Она осмотрительно прикрыла сумку рукой. В сумке два конверта с двадцатками — в общей сложности пять тысяч фунтов, — которые она только что сняла со счета в Йоркширском банке. Хотела бы она посмотреть на того, кто попробует их стырить, — она размажет его по стенке голыми руками. Что толку иметь вес, рассуждала Трейси, если им не пользоваться?

Деньги причитаются Янеку — он расширяет кухню в таунхаусе, который Трейси купила, продав родительское бунгало в Брэмли. Какое счастье, что они наконец умерли, с разницей в несколько недель, телом и рассудком давно прозевав срок годности. Оба дотянули до девяноста — Трейси уже заподозрила, что они пытаются ее пережить. Состязательный дух в них вообще был силен.

Янек приступал к работе в восемь утра, заканчивал в шесть, работал по субботам — поляк, что тут скажешь. На двадцать лет моложе Трейси и дюйма на три ниже, но стыдно признаться, до чего ее к нему тянет. Такой аккуратный, такой воспитанный. Каждое утро Трейси оставляла

¹ Вопреки названию романа английского писателя Пэлама Грэнвила Вудхауса (1881–1975) «Обслуживание с улыбкой» (*Service with a Smile*, 1961).

ему чай, кофе и тарелку печенья под пленкой. Когда возвращалась, все печенья были съедены. От этого казалось, что она желанна. С пятницы Трейси в отпуске на неделю, и Янек обещал, что к ее возвращению все будет закончено. Трейси не хотела, чтобы все было закончено, — нет, хотела, конечно, сил уже никаких нет, но не хотела, чтобы *он* закончил.

Может, он останется, если попросить отремонтировать ванную? Янек рвался домой. Сейчас все поляки разъезжались по домам. Кому охота жить в обанкротившейся стране? До падения Берлинской стены их было жалко, теперь завидки берут.

Все коллеги Трейси, мужчины и женщины, считали, что она лесба. Сейчас ей за пятьдесят, а в те времена, когда она, салага, поступила в полицию Западного Йоркшира, там выживали только парни. К несчастью, если убедить всех, что ты здравомыслящая сука, трудно потом показать, до чего мягкая и пушистая женщина прячется у тебя внутри. Да и зачем показывать-то?

К пенсии Трейси нарастила такой панцирь, что внутри почти не осталось места. Проституция, преступления на сексуальной почве, торговля людьми — жестокая правда отдела по наркотикам и тяжким преступлениям; она видела все это и многое другое. Если изо дня в день наблюдать человечество с его чернейшей стороны, всему пушистому и мягкому неизбежно настанет капут.

Трейси так давно работала, что во времена, когда Питер Сатклифф еще шастал по улицам Западного Йоркшира, уже была скромным патрульным. Она помнила страх — сама боялась. Компьютеров не было — расследования тонули в бумажных морях.

— Не было компьютеров? — спросил один молодой и нахальный коллега. — Ух ты, юрский период.

И он прав — она из другой эпохи. Надо было уйти раньше, но она держалась, не зная, чем заполнять долгие пустые дни. Поспать, поесть, защитить, повторить — такую жизнь она понимала. Все только и долдонили о три-

дцати годах — уходи, смени работу, наслаждайся пенсией. Работаешь дольше — слынешь болваном.

Трейси предпочла бы умереть на посту, но понимала, что пора уходить. Была детективом-суперинтендантом, стала «полицейским-пенсионером». Чистый Диккенс — ей бы теперь в работный дом, сидеть в углу, кутаясь в замурзанную шаль. Думала было пойти добровольцем в какую-нибудь организацию, что наводит порядок после катастроф и войн. В конце концов, она ведь только этим всю жизнь и занималась. В итоге пошла в «Меррион-центр».

На отходной попойке ей подарили ноутбук и купонов в салон красоты на две сотни фунтов — в спа «Водопад» в Бруэри-Уорф. Приятный сюрприз — ей даже польстило, что они считают, будто она ходит по салонам красоты. Ноутбук у нее уже был, и она знала, что подарок — один из бесплатных ноутов, которые раздавали в «Карфун Уэрхаус», но ведь важно внимание.

«Новое начало», — сказала себе Трейси, возглавив охрану «Меррион-центра», пора меняться; она не просто сменила дом, но воском удалила усы, отрастила плавную прическу, накупила блузок с бантиками и перламутровыми пуговицами и туфель на низкой шпильке к неизменному черному костюму. Толку чуть, разумеется. Тут никакие купоны в салон красоты не помогут — люди по-прежнему считали ее старой лесбой и бой-бабой.

Трейси любила быть поближе к покупателям. Она шагала мимо «Моррисонза», мимо пустоты, где раньше был «Вулвортс», мимо «Паундстретчера» — таковы розничные предпочтения люмпен-пролетариата. Есть в этом бездушном месте хоть один счастливый человек? Может, Лесли, хотя она карт не раскрывает. У нее, как и у Янека, жизнь протекает не здесь. Хорошо, наверное, в Канаде. Или в Польше. Может, эмигрировать?

Тепло сегодня. Хорошо бы погода продержалась до конца отпуска. Неделя в коттедже, прелестные пейзажи.

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРОВИЩЕ	11
ОПАСНОСТЬ	135
АРКАДИЯ	251
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ	337
СОКРОВИЩЕ	393